

DOI: 10.17805/zpu.2022.3.14

Упоминания древних князей и образ прошлого в тезаурусе древнерусского эпоса

С. В. АЛЕКСЕЕВ

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»,
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена реконструкции представлений создателей древнерусского «дружинного» эпоса о прошлом Руси на основе учета и семантического анализа упоминаний князей, древних по отношению ко времени написания. Для «Слова о полку Игореве» в наибольшей степени характерно внимание к дохристианскому прошлому, память о котором, однако, расходится с летописной и не связана с историческими князьями. В истории XI в. автора «Слова о полку Игореве» наиболее занимает период распада государства, который прямо ведет в его представлении к катастрофе Игорева похода. Автор «Слова о гибели Русской земли» продлевает эпоху единства во времена Владимира Мономаха и воплощает это единство в нем, поскольку Владимир Мономах является предком владимирских князей. Так и в этом памятнике, уже после монгольского нашествия, сочетается стремление к единству и подчеркивание величия своей княжеской династии. Этого сочетания совершенно чужда «Задонщина». Здесь не фигурируют предки непосредственно московских или владимирских князей, а образ прошлого сводится к древнейшим киевским князьям. Среди них центральное место занимает Владимир Святой, к которому автор непосредственно возводит своих героев — Дмитрия Донского и Владимира Храброго. Историческая память в «Задонщине» уже в большей степени книжная, чем устная, и дохристианское прошлое осмысливается исключительно через библейские образы.

Ключевые слова: Древняя Русь; эпос; «Слово о полку Игореве»; «Слово о гибели Русской земли»; «Задонщина»; древнерусские князья; образ прошлого

ВВЕДЕНИЕ

Использование лингвистических и количественных методов в анализе памятников древней и средневековой литературы уже вошло в традицию как филология, так и исторического источниковедения. Тезаурусный подход дает возможность расширить их потенциал, представляя «словарь» каждого памятника как часть общекультурного тезауруса своей эпохи, в широком литературном и социальном контексте.

В системе образов немногочисленных сохранившихся памятников древнерусского «дружинного» эпоса важнейшее место занимают персоналии князей. Упоминания княжеских имен позволяют выстроить определенную систему авторских предпочтений и оценок, лучше понять идеологию произведения. Это касается как персоналий настоящего для автора, так и едва ли не в большей степени образов прошлого. Сочетание количественных измерений и семантического анализа, с учетом текстового и внетекстового контекста, позволяет уточнить эволюцию образа минувшего в эпических произведениях XII–XIV вв.

В настоящей статье для анализа взяты три произведения древнерусской литературы, в наибольшей степени соответствующие определению «эпоса» — в том числе ввиду полностью или частично «песенной» формы. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» — эпические поэмы в собственном смысле слова. «Слово о гибели Русской земли» — небольшая элегия, однако тесно связанная с двумя другими произведениями на стилистическом, сюжетном и лексическом уровне, в целом

представляя ту же жанровую традицию. Все три произведения являются реакцией на недавно происшедшие исторические события и в то же время содержат экскурсы в прошлое или отсылки к нему.

Прозаические эпические сказания XIV–XVI вв. («*Повесть о разорении Рязани Батыем*», «*Описание об Александре Поповиче*», «*Сказание о Мамаевом побоище*») в настоящей работе не рассматриваются. Во-первых, все они созданы с существенной временной дистанцией после описываемых событий — соответственно, они все целиком создают «образ прошлого». Во-вторых, как будет показано, во время или ко времени их создания в восприятии прошлого русским (уже не «древнерусским» в узком смысле) литературным эпосом произошли заметные изменения.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Из трех рассматриваемых памятников «*Слово о полку Игореве*» характеризуется наиболее широкой исторической перспективой. Автор делает пространные экскурсы в давнее прошлое. Источником ему служат песни, приписываемые легендарному сказителю второй половины XI в. Бояну, которые он, видимо, местами цитирует буквально.

История начинается для автора в глубинах языческой эпохи, определяемой мифологически как «века Трояни» (Троян здесь скорее не римский император, а известное из ряда источников божество). Упоминаются древние сказания о Бусе, погибшем от рук готов в IV в., — сюжет, известный из латинской историографии раннего Средневековья.

Но наиболее пристальное внимание уделяется прошлому, на век или немногим более отстоящему от похода Игоря, — временам распада Руси на удельные княжества. Посвященные «первых времен уособицам» вставные сюжеты пространны, и в них выведены яркие центральные персонажи — дед героя «Слова о полку Игореве» Олег Святославич и полоцкий князь Всеслав. Оба при этом рисуются амбивалентно — как доблестные воители (Всеслав и как достойный правитель своего княжества) и как разрушители единства Руси. Злосчастное поражение на Каяле видится автором как прямое следствие событий тех лет.

В табл. 1 отмечены все самостоятельные упоминания древних (до первой четверти XII в.) князей в «Слове о полку Игореве». Не отмечены в таблице упоминания князей как персонажей в сюжете о войнах Олега «Гориславича» — они перечислены в сноске. С другой стороны, упоминания в рамках сюжетов не в качестве действующих лиц, а как персонажей давнего прошлого учтены. Не включаются также косвенные упоминания в виде отчеств других князей, но указания на более отдаленных предков отмечены. Сюжеты о князьях указываются отдельной графой с кратким изложением содержания. К отдельным упоминаниям приводятся точные цитаты¹. Прозвания, под которыми князья фигурируют в памятниках, особо указаны в графе с их именами. Ввиду многочисленности изданий «Слова о полку Игореве» страницы текста указываются по первому изданию 1800 г. (см. репринтное воспроизведение в кн.: *Слово о полку Игореве*, 1950; *Слово о полку Игореве*, 1981). Цитаты приводятся по «Словарю-справочнику “Слова о полку Игореве”», где текст в основном соответствует академическому изданию (*Слово о полку Игореве*, 1950: 5–31).

Таким образом, автора «*Слова о полку Игореве*» занимают в прошлом, во-первых, начало княжеских уособиц на Руси во второй половине XI в., во-вторых, история

Таблица 1

<i>Имя</i>	<i>Количество упоминаний</i>	<i>Отдельный сюжет</i>	<i>Цитаты, характеристика сюжетов</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Владимир Святославич (Старый)	2	—	Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря... (5) Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ... (37)
Ярослав Владимирович (Великий, Старый)	5	—	[Песни Бояна посвящены] старому Ярославу, храброму Мстиславу... (3) Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя (14–15) [О выступлении Олега из Тмутаракани] Тои же звонъ слыша давнии великыи Ярославъ (15) [Всеслав, взяв Новгород] разшибе славу Ярославу (35) Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля... (44)
Мстислав Владимирович (Храбрый)	1	—	[Песни Бояна посвящены] храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими (3–4) ²
Святослав Ярославич	1	—	Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля (44)
Роман Святославич (Красный)	1	—	[Песни Бояна посвящены] красному Романови Святъславличю (3–4)
Олег Святославич «Гориславич»	3 (вне сюжета)	Есть	[Описываются затеянные Олегом «полки», «крамола», «усобицы» 1078 и 1094 гг., в том числе битва на Нежатиной Ниве 1078 г., стоившая жизни киевскому князю Изяславу и союзнику Олега Борису Вячеславичу (за обиду Олгову). Эта битва приравнена к поражению Игоря на Каяле, Олег рисуется как сильный и доблестный князь, но осуждается за распри и разорение Руси: Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше... Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука] (14–16) ³ Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова (1) Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо (11) Рекъ Боянъ и Ходына... Ольгова коганя хоти... (44)

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Всеслав Брячиславич	2 (вне сюжета)	Есть	[Описывается борьба Всеслава с сыновьями Ярослава Мудрого в 1060—1070-х гг. Он рисуется как удачливый князь, успехи которого объясняются чародейством и оборотничеством (На седьмомъ вѣць Трояни вѣрже Всеславъ жребіи о дѣвицю себѣ любу. Тѣи клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Києву, и дотчеса стружіемъ злата стола Кіевскаго... Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ вѣ ночь влькомъ рыскаше). Автор признает его доблесть, но оплакивает нанесенный его распрями ущерб Руси и цитирует Бояна, посулившего Всеславу суд Божий] (35–36) [Изяслав Василькович, выступив один против литвы] притрепа славу дѣду своему Всеславу (33–34) Ярославе и вси внуце Всеслави! уже понизите стязи свои... Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию (34–35)
Ростислав Всеволодович	—	Есть	[В рассказе о бегстве Игоря из плена он, обращаясь к Донцу, противопоставляет ему реку Стугну, в которой утонул, спасаясь от половцев в 1093 г., князь Ростислав: Не тако ли, рече, рѣка Стугна... уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ, темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ] (42)

Черниговской земли и родословная «своего» княжеского дома. И то, и другое обусловлено всем характером и идейным содержанием его произведения. При этом подробно, в отдельных сюжетах описанные зачинщики княжеских смут противопоставлены в предшествующем времени Ярославу «Великому». Последний, общий предок Ольговичей и Мономашичей, для автора «Слова о полку Игореве» является образом единства и силы былой Руси. Как последний и самый могущественный правитель этого «золотого века», он более памятен для «Слова о полку Игореве», чем всего дважды упомянутый его отец Владимир «Старый». Однако и тот является напоминанием о былой силе Киевского государства. Кроме того, он значим как общий предок русских князей и первый христианский правитель — эпическую «песнь» следует начинать «от старого Владимира».

Языческие предки Владимира не упомянуты ни разу. Вообще, картина языческой истории, обозначенная в «Слове о полку Игореве», сильно отличается от летописной, притом что автор был о язычестве неплохо осведомлен. Вероятно, это лучше отражает познания и интересы светской южнорусской аристократии. Здесь мы находим не только следы древних сказаний о войнах с готами (упоминания Буса) и представлений о «мифическом времени» («веках Трояна»), но и форму этно-

нима «русичи». Последняя подразумевает известное из иностранных источников с X в. предание о происхождении названия Руси от легендарного героя Руса. И при всем этом более «исторические» сведения о начале Руси и ее правящего рода автору неизвестны или не занимают его. История после мифических «веков Трояновых» для него начинается с Владимира и Ярослава.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Из рассматриваемых памятников небольшое «Слово о погибели Русской земли» в наибольшей степени обращено к прошлому. Собственно, весь этот короткий эгегический текст, откликающийся на катастрофу монгольского нашествия, — сравнение прошлого и настоящего в пользу прошлого. Через воспоминание о величии Руси Владимирской во времена Всеволода Большое Гнездо, отца современных ему князей Юрия и Ярослава, автор обращается ко временам деда Всеволода — Владимира Мономаха. Развернутая похвала им и величию Руси в их времена занимает в памятнике центральное место.

В табл. 2 включены упоминания древних, до середины XII в., князей. «Слово о погибели Русской земли» цитируется по изданию: Памятники ... , 1981: 130.

Картина прошлого, создаваемая «Словом о погибели Русской земли», не только идейно близка картине, создаваемой «Словом о полку Игореве». Сходство парадоксальным для поборников единства Руси образом проявляется в подчеркнутом внимании именно к «своему» княжескому роду. Для автора «Слова о полку Игореве» последним выдающимся правителем Руси являлся Ярослав Мудрый —

Таблица 2

<i>Имя</i>	<i>Количество упоминаний</i>	<i>Отдельный сюжет</i>	<i>Цитаты, характеристика сюжетов</i>
Ярослав Владимирович (Великий)	1	—	А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго
Владимир Всеволодович (Мономах)	5 (в том числе в похвале ему)	Похвала	[Соседние с Русью народы прежде были покорны] Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. [Литва и венгры прятались и укреплялись,] абы на них великий Володимеръ тамо не въѣхаль... [Немцы радовались, что находятся за морем. Северо-восточные племена] бортьничаху на князя великаго Володимера. [Византийский император боялся] абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера...
Юрий Владимирович	1	—	[Соседние народы были покорны] великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому

последний из предков его героев, занимавший великокняжеский престол единого государства. Автор «Слова о погибели Русской земли» тоже упоминает «великого Ярослава», именуя его так же, как автор «Слова о полку Игореве». Но роль величайшего правителя Руси, к тому же воспетого в развернутой похвале, передается Владимиру Мономаху, в «Слове о полку Игореве» упомянутому единожды и не без иронии. Образ Мономаха важен для автора «Слова о погибели Русской земли» и в том смысле, что подчеркивает право владимирских князей властвовать над Русью, — недаром и Юрий Долгорукий определен как «князь киевский».

Однако при всех этих чертах местно-родового патриотизма автором «Слова о погибели Русской земли» еще острее, чем автором «Слова о полку Игореве», осознана тщетность межкняжеского соперничества. Древность он вспоминает в противовес нынешней эпохе, когда утраченной уже оказалась и сама независимость русских княжеств. На этом фоне даже и недавнее прошлое, времена Всеволода Большое Гнездо, кажутся частью «золотого века», по крайней мере для Северо-Восточной Руси. Именно от описания достижений Всеволода автор «Слова о погибели Русской земли» переходит к похвале Владимиру Мономаху как правителю еще более великому.

ЗАДОНЩИНА

«Задонщина» отличается от более ранних памятников эпического жанра весьма существенно. Прежде всего это, хотя и предположительно, единственная среди них авторская поэма. Впрочем, авторство Софония Рязанца, отмеченное в заглавии ряда списков, не раз оспаривалось, поскольку в основном тексте автор говорит о нем в третьем лице. Это породило спектр гипотез, в том числе о Софонии как авторе устного источника письменной поэмы.

В любом случае, более литературная, книжная природа «Задонщины» проявляется во многих аспектах. Касается это и отношения к прошлому. Притом что автор использует «Слова о полку Игореве» как образец и источник, он совершенно не разделяет внимания к языческим мифам и сказаниям. Аллюзий такого рода в «Задонщине» просто нет. Дохристианское прошлое подается через библейские образы Афета (Иафета) и Сима. Разделение земли между сыновьями Ноя находит продолжение в противостоянии Руси и Степи, трагическим рубежом в котором служит битва на Калке, отождествляемой с Каялой «Слова о полку Игореве». Если добавить то, что именно в «Задонщине» впервые вне летописи хотя бы косвенно упомянут легендарный Рюрик, то книжные источники познаний автора о прошлом становятся еще более очевидны.

Упоминания древних князей, при достаточной обширности памятника, немногочисленны, исторических экскурсов, если не считать воспоминания о Калкской битве, нет. От последней ведется отсчет эпохи, завершающейся воспеваемой в памятнике победой на Куликовом поле. Можно сказать, что все внимание автора сосредоточено на современных событиях. В значительной степени это оправдано темой поэмы, которая посвящена не поражению, в отличие от предыдущих памятников, а выдающейся победе. Тем не менее имеющийся ряд упоминаний дает почву для определенных выводов.

В табл. 3 включены все упоминания русских князей прошлого в «Задонщине». Не включено однократное упоминание ятвяжского князя Скирмонта (Сколоменда) и литовского князя Гедимина, названных как предки участников Куликовской

Таблица 3

<i>Имя</i>	<i>Количество упоминаний</i>	<i>Цитаты</i>
Игорь Рюрикович	1	[Боян пел] первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю... (8)
Владимир Святославич (Святой, Великий)	6	[Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич] внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго (7) [Боян пел славу] великому князю Владимиру Святославичю Киевскому... Аз же... восхваляю... сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго. Се бо князь великий Дмитрий Ивановичъ и братья его, князь Владимиръ Андрѣевичъ... помянуша праждѣ своего, великаго князя Владимира Киевскаго [Речь Дмитрия Ивановича:] Братия и князи русские, гнѣздо есмѣ были великаго князя Владимира Киевскаго! (8) [Дмитрий — Владимиру Андреевичу:] Брате Владимиръ Андрѣевичъ! Сами себѣ есмѣ два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго (10)
Ярослав Владимирович (Великий)	1	[Боян пел славу] третью — великому князю Ярославу Володимировичю (8)

битвы Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Страницы указаны и цитаты приводятся по изданию: Сказания, 1982.

К концу XIV в., на заре новой русской государственности и новой московской великорусской литературы, происходят заметные изменения в образе прошлого. Создателей нового литературного эпоса уже мало интересует — вернее, не интересует вовсе — родословная «своих» князей. Даже самые прославленные персонажи из нее не достаиваются упоминания, а эпоха раздробленности и ордынского владычества остается для автора «Задонщины» совершенно безымянной. Это касается даже битвы на реке Калке, которая упомянута в поэме не раз и является точкой отсчета для современной автору эпохи ордынского гнета. Назван и Батый — но не противостоявшие ему русские князья.

Принципиально важно для Софония или передатчика его сказания иное. В «Задонщине» преемственность московских князей выводится напрямую от Владимира Святого и иных правителей древнейшей, в представлении автора, единой Руси. Князь-креститель оказывается центральной фигурой этой давно ушедшей величественной и героической эпохи. Он затмевает как своих языческих предков (хотя их родословный ряд здесь впервые вне летописи показан), так и самого Ярослава Мудрого. Все это указывает на единство процессов, происходивших в письменном и устном, элитарном и народном эпическом творчестве. Именно к XIV–XV вв. должно относиться сложение прообразов тех эпических песен Владимирового цикла, которые обрели собиратели Нового времени из уст народных сказителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить, что лексически тезаурус «Слова» полностью представлен в академическом «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» (Словарь-справочник, 1965–1984; имеется онлайн-издание: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/>), что существенно облегчает работу современных исследователей. Составление сводного словаря трех жанрово и сюжетно близких, текстурально связанных памятников — «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли» и «Задонщины» — было бы интересной научной задачей.

² Еще одно, косвенное упоминание Тмутараканского и Черниговского князя Мстислава — в сюжете об Олеге Гориславиче. Когда описывается его выступление из Тмутаракани на Чернигов, упоминается, что «такой же звон слышал» и Ярослав Мудрый (15) — при выступлении Мстислава в 1023 г.

³ В качестве действующих лиц при описании событий 1078–1094 гг. фигурируют: противники Олега Изяслав Ярославич (без имени), Святополк Изяславич, Владимир Всеволодович, союзник Олега Борис Вячеславич; все названы однократно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Памятники литературы Древней Руси (1981) XIII век. М. : Художественная литература. 350 с.

Сказания и повести о Куликовской битве (1982) Л. : Наука. 422 с.

Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (1964–1985). В 6 выпусках Л. : Наука. Вып. 1. 1965. 199 с.; Вып. 2. 1967. 214 с.; Вып. 3. 1969. 182 с.; Вып. 4. 1973. 234 с.; Вып. 5. 1978. 264 с.; Вып. 6. 1984. 278 с.

Слово о полку Игореве (1950) М. ; Л. : АН СССР. 483 с.

Слово о полку Игореве (1981) Древнерусский текст и переводы. М. : Советская Россия. 288 с.

Дата поступления: 14.05.2022 г.

MENTIONS OF ANCIENT PRINCES AND THE IMAGE OF THE PAST
IN THE THESAURUS OF THE OLD RUSSIAN EPIC

S. V. ALEKSEEV

HISTORICAL AND EDUCATIONAL SOCIETY “RADETEL”,
MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE

The article is devoted to the reconstruction of the ideas of the creators of the Old Russian warrior epic about the past of Russ on the basis of accounting and semantic analysis of mentions of ancient (in relation to the time of writing) princes. For the “Tale of Igor’s Campaign”, attention to the pre-Christian past is most characteristic, the memory of which, however, diverges from the Russian annals and is not connected with the historical princes. In the history of the 11th century, the author is most interested in the period of the collapse of the state, which directly leads, in his mind, to the catastrophe of Igor’s campaign. The author of the “Tale of Destruction of the Russian Land” prolongs the era of unity during the time of Vladimir Monomakh, and embodies this unity in him, since he is the ancestor of the Vladimir princes. So in this monument, already after the Mongol invasion, the desire for unity and emphasizing the greatness of their princely dynasty are combined. This combination is completely alien to “Zadonshchina”. Here the ancestors of the Moscow or Vladimir princes do not figure directly, but the image of the past is reduced to the most ancient Kievan princes. Among them, the central place is occupied by St. Vladimir, to whom the author directly raises his heroes - Dmitry Donskoy and Vladimir the Brave. Historical memory in “Zadonshchina” is to a high degree bookish rather than oral, and the pre-Christian past is comprehended exclusively through biblical images.

Keywords: Old Rus; epic; The Tale of Igor’s Campaign; The Tale of Destruction of Russian Land; Zadonshchina; Old Russian princes; image of the past

REFERENCES

- Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek* (1981) Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 350 p. (In Russ.).
- Skazaniya i povesti o Kulikovskoj bitve* (1982) Leningrad, Nauka. 422 p. (In Russ.).
- Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve»* (1964–1985) In 6 issues. Leningrad, Nauka. Issue 1. 1965. 199 pp.; Issue 2. 1967. 214 pp.; Issue 3. 1969. 182 pp.; Issue 4. 1973. 234 pp.; Issue 5. 1978. 264 pp.; Issue 6. 1984. 278 pp. (In Russ.).
- Slovo o polku Igoreve* (1950) Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. 483 pp. (In Russ.).
- Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskij tekst i perevody* (1981) Moscow, Sovetskaya Rossiya. 288 pp. (In Russ.).

Submission date: 14.05.2022.

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры. Адрес: 141406, Российская Федерация, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7. Тел.: +7 (495) 781-56-63. Эл. адрес: ipo1972@mail.ru

Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Chairman, Historical and Educational Society "Radetel", Professor, Department of History and Historical Archival Studies, Moscow State Institute of Culture. Postal address: 7, Bibliotechnaya St., Khimki, Moscow Region, Russian Federation, 141406. Tel.: +7 (495) 781-56-63. E-mail: ipo1972@mail.ru